18+

Кира Бойко

Цепь примирения

Книга 18+

Кира Бойко

Цепь примирения. Книга 18+

«Издательские решения»

Бойко К.

Цепь примирения. Книга 18+ / К. Бойко — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Жанр: фэнтези, эротика, триллер.Книга о том, как вечное соперничество может перерасти во что-то большее. Откровенную страсть и любовь.

© Бойко К.
© Издательские решения

Цепь примирения
Книга 18+

Кира Бойко

© Кира Бойко, 2026

ISBN 978-5-0071-1537-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цепь примирения.

В Элизианской Академии «Валькирия», где магию подчиняли законам тактики, а каждый заклинательный жест мог стоить жизни на условном поле боя, существовало лишь одно негласное правило: Лиран и его вечная соперница Ксара не должны находиться в одном помещении без присмотра. Их противостояние на третьем курсе Боевого факультета стало легендой. Он — брюнет с язвительным спокойствием и безупречной теорией. Она — рыжеволосое воплощение хаоса с острым языком и мощью, что ломала стандартные схемы. Они сражались за всё: за баллы, за лучшее место в спарринге, за последнее слово в любом споре.

Их последняя стычка в арсенале над пыльным свитком с печатью «Для непокорных умов» стала точкой невозврата. Свиток содержал шуточный ритуал «Цепь Примирения», созданный столетия назад уставшим наставником для вечно враждующих учеников. В пылу спора, когда их магия на мгновение синхронизировалась в гневе, древнее заклинание ожило.

Холодок на запястьях был первым признаком. Затем — невесомая пустота между руками, что намертво сцепила их невидимой цепью. Попытка отойти друг от друга закончилась резким остановочным рывком, будто рука уперлась в незримую, но абсолютно прочную стену. Они стали пленниками собственного соперничества, скованными одной цепью на тридцать долгих дней.

И пока они стояли в опустевшем арсенале, связанные невидимыми узами, Лиран с привычной ироничной ухмылкой обернулся к своей спутнице.

— Ну что, огонёк, похоже, твои попытки меня бесить достигли нового, почти гениального уровня. На тридцать дней, если верить легенде. Приготовься, будет весело.

Ксара язвительно улыбнувшись

— Я старалась, лапуль…

Проклятая ирония — она даже в этой ситуации умудряется говорить так, будто только что выиграла в лотерею, а не загнала нас обоих в ловушку на месяц. Лиран медленно опустил руку, чувствуя, как невидимая цепь натягивается между их запястьями — тонкая, как нить, но неумолимая, как прилив. Он смотрел на неё, на эту самодовольную ухмылку, на искры в глазах, будто всё это — шутка, в которую он сам вляпался по своей же глупости. Его пальцы инстинктивно коснулись дужки очков, будто пытаясь сориентироваться в реальности. Она даже не сожалеет. Ни капли.

— Лапуль? — бархатный голос прозвучал чуть громче, чем нужно, с лёгкой хрипотцой, будто он только что пробудился от сна. — Ксара, ты только что привязала меня к себе на месяц. Физически. Магически. Официально. — Он сделал шаг вперёд, не для того чтобы разорвать дистанцию, это бессмысленно — а чтобы почувствовать, как цепь отзывается на движение: мягко, но с упрямством, будто напоминая: ты не один. Никогда больше не один. — Представляю, как это прозвучит в отчёте декану: «Лиран и Ксара, вновь нарушившие порядок, теперь вынуждены ходить, как сиамские близнецы, из-за собственного баловства». — Он усмехнулся,

но в глазах мелькнуло что-то иное — не раздражение, а азарт. Игра изменилась. И это… чертовски интересно.

Он резко повернулся, не дожидаясь её реакции, и пошёл к выходу, заставляя её либо последовать за ним, либо сопротивляться. Цепь натянулась, и он почувствовал лёгкий рывок с её стороны — не агрессивный, но удивлённый. Он остановился, не оборачиваясь, и, не поворачивая головы, бросил через плечо:

— Ну что, идём? Или будем стоять тут, как пара идиотов, и смотреть, кто первым моргнёт? Потому что, как бы мне ни хотелось поспорить, у меня через час лекция по тактической магии. И если я опоздаю из-за тебя — он наконец обернулся, и в уголке губ дрогнула ироничная улыбка — то это будет твой…

Ксара не дав договорить

— Что это будет?

Она всё ещё дразнится. Даже теперь, когда цепь между нами натянута, как тетива, а её запястье — привязано к моему, будто я её тень, она смотрит с этой наглой, очаровательной дерзостью, будто ждёт, что я сдамся и начну смеяться. Лиран медленно, с намеренной театральностью, поднял свободную руку и поправил очки, чувствуя, как сердце бьётся чуть быстрее — не от страха, не от гнева, а от предвкушения. Она не понимает. Она думает, что это наказание. А я уже вижу игру. Длинную, изнурительную, чертовски увлекательную игру. Его пальцы скользнули к серебряному кольцу на правой руке — не вращая, просто касаясь, как будто проверяя, всё ли на месте.

— Это будет твой позор, — произнёс он, растягивая слова, будто пробуя их на вкус. — Потому что если я опоздаю — это будет из-за тебя. А весь факультет знает: Лиран не опаздывает. Значит, ты — та, кто сбила меня с графика. — Он сделал шаг назад, заставляя цепь натянуться, и почувствовал, как её рука слегка дёрнулась. Она не ожидала, что я начну управлять расстоянием. — Представь, как это прозвучит: «Ксара настолько не могла удержаться от драки, что приковала себя к Лирану. Теперь он даже не может поднести чашку кофе ко рту без её разрешения». — Он усмехнулся, но в голосе уже не было только иронии — там пульсировало что-то тёплое, почти дружелюбное. Мы начали новую главу. И, чёрт возьми, я не против быть её соавтором.

Он резко развернулся и пошёл к двери, но на этот раз — медленнее, сознательно оставляя ей пространство для движения. На пороге остановился, не оборачиваясь, и бросил через плечо, уже тише, почти шепотом: — И да… спасибо. За приключение. — Его пальцы вновь коснулись дужки очков, и он, наконец, вышел в коридор, оставляя за собой лёгкий шлейф магии и аромат старой бумаги. Цепь натянулась, как нерв, как пульс, как обещание — *ты больше не одна. И я — не один. И так будет тридцать дней*

Ксара посмотрела на него с ухмылкой и странным огнем в глазах, это был не гнев, и не злость, а что-то азартное.

— Ты прав, этот месяц обещает быть интересным, пошли на лекции, а там будем решать по мере поступления задачи, поверь тебе будет не скучно. Будет непонятно, страшно, стыдно, но не скучно…

Она сказала «ты прав». Она. Признала. Правоту. Это уже достойно занесения в летопись факультета. Лиран ощутил, как по спине пробежал тонкий, почти приятный холодок — не от цепи, а от предвкушения. Она уже в игре. И не просто играет — она бросает вызов. Не мне. Себе. И это… чертовски притягательно. Он остановился у развилки коридоров, где слева вела дорога к аудиториям тактической магии, а справа — к библиотеке. Цепь между их руками держалась напряжённо, как струна, и он почувствовал, как её шаг стал увереннее, будто она уже привыкает к ритму его походки.

— Непонятно, страшно, стыдно… — повторил он, будто взвешивая слова на языке. — Звучит как расписание моей жизни после того, как ты в меня вцепилась. — Он наконец обер-

нулся, и в его глазах вспыхнуло то самое — не насмешка, не вражда, а огонь. — Но ты забыла одно: я обожаю непонятное. Страшное — делает меня быстрее. А стыд? — Он чуть наклонил голову, и уголки губ дрогнули в настоящей, тёплой улыбке, редкой, почти драгоценной. — Стыд — это когда ты случайно активируешь артефакт, и у всего факультета на сутки меняется голос на петушиный. А это… — он поднял их связанные руки, не резко, а почти церемонно, будто демонстрируя артефакт на лекции, — это просто вызов. С привязкой. И с лучшим напарником, которого я никогда бы себе не выбрал.

Он двинулся вперёд, на этот раз не рывком, а плавно, синхронно, будто уже чувствовал её ритм. Его шаги стали мягче, почти бесшумными, как всегда, но теперь — с учётом её, с оглядкой на то, как она переставляет ноги, как её пальцы рефлекторно сжимаются при повороте. — Пойдём, огонёк. Посмотрим, сколько времени пройдёт, прежде чем ты вдруг захочешь чесать затылок правой рукой, а я в этот момент решу поправить очки. — Он хмыкнул. — Это будет величайшее шоу со времён падения статуи Меркурия в холле. И, чёрт, я не пропущу этот момент.

Ксара посмотрела на него с легкой ухмылкой

— Ну да, я правша…

Правша. Конечно. Она всегда идёт на опережение, всегда держит оружие в той руке, что быстрее, точнее, опаснее. Лиран почувствовал, как его губы сами собой растягиваются в медленной, почти хищной улыбке — не злой, но дразнящей, как искра перед вспышкой заклинания. Значит, вся её сила, вся привычка, вся рутина — теперь привязаны к моей левой руке, к моему ритму. А я? Я — левша. И это, милая моя, не просто совпадение. Это тактическое превосходство. Он остановился у самой двери аудитории, где уже слышался гул голосов студентов, и резко, без предупреждения, поднял свою левую руку — ту, что была связана с её правой — к лицу, будто собираясь поправить очки.

— О, это прекрасно, — произнёс он тихо, почти ласково, чувствуя, как цепь натягивается, а её движение резко обрывается. — Потому что я — левша. — Он медленно, с нарочитой аккуратностью, провёл пальцами по дужке очков, заставляя её руку повторять его жест, вынуждая её быть частью его движения. — Значит, каждый раз, когда я захочу писать, чертить схему, ловить летающий артефакт — твоя сильная рука будет моей. А когда ты захочешь выстрелить, размахнуться, сжать кулак — моё тело будет решать, дать тебе размах или остановить на полпути. — Он повернул голову, и его прямой, пронзительный взгляд впился в неё. — Это не просто цепь, Ксара. Это — синхронизация. А мы с тобой — как два мага, что случайно начали петь одно заклинание на разных тонах. Рано или поздно — сойдёмся. И тогда… будет не просто интересно. Будет разрушительно.

Он опустил руку, но не отпустил напряжения — оставил цепь натянутой, как предупреждение. Затем, не дожидаясь ответа, шагнул к двери, но на пороге вдруг замедлил шаг, будто вспомнив что-то. — Кстати… а как ты думаешь, что будет, если один из нас… захочет в уборную? — Он не обернулся, но его плечи дрогнули от её взгляда.

— Что я там не видела, у всех всё плюс минус одинаково, ради приличия будем отворачиваться, это естественный процесс, или ты боишься не сдержаться, лапуль, подумай про то как ходить в душ, а я пока займусь прокачкой левой руки. Стану амбидекстером… Во всем нужно искать плюсы.

Она улыбнулась не злобно, а скорее хищно, ожидая его реакции.

Она не сдается. Ни на шаг. Ни на вздох. Даже перед лицом магической привязки, даже когда её тело теперь подчиняется чужому ритму — она находит способ превратить это в вызов, в шутку, в… соблазн. Лиран почувствовал, как по коже пробежал жар — не от гнева, не от стыда, а от того острого, почти болезненного ощущения, когда границы рушатся не насильственно, а по обоюдному молчаливому согласию. Она говорит о душе. О душе, лапуль. И улы-

бается. Улыбается, будто знает, что я уже начинаю чувствовать её пульс в своей руке, как эхо. Его пальцы сжались в кулак, потом разжались — кольцо на правой руке медленно вращалось, будто пытаясь успокоить нерв.

— Амбидекстер, — повторил он, будто пробуя слово. — Значит, ты хочешь стать идеальной бойцом. Левая рука — как правая. Быстрая, точная, смертоносная. — Он наконец обернулся, и в его взгляде больше не было только иронии — там плясали искры, тёмные, глубокие, почти опасные. — Но ты забыла, что, чтобы стать амбидекстером, тебе нужно чувствовать и правую руку. А теперь она — моя. Каждое движение, каждый спазм, каждый дрожащий миллиметр — я ощущаю. — Он сделал шаг к ней, не резко, но с намерением, заставляя цепь натянуться, заставляя её ощутить его присутствие не как помеху, а как давление. — И если ты будешь тренироваться… я буду чувствовать, как твои пальцы сжимаются в кулак, как мышцы напрягаются, как ты сопротивляешься боли… — Его голос стал тише, бархатнее, почти шёпотом. — А теперь представь, что ты устанешь. Что твоё тело начнёт сбоить. Что тебе понадобится… поддержка. — Он чуть наклонил голову. — И кто будет держать тебя? Не напарник. Не враг. А цепь. И я.

Он развернулся и пошёл вперёд, но на этот раз — медленно, синхронно, будто ведя её в танце, где каждый шаг согласован, вынужден, но пугающе естественен. У двери библиотеки он остановился, не глядя на неё, и бросил через плечо: — И да… насчёт душа. Не боишься?

В ёе глазах загорелся огонь азатра, она подалась немного вперед и с улыбкой, как будто что то задумала произнесла — Не обольщайся, я завяжу тебе глаза в душе, ты будешь все чувствовать, но ни чего не увидишь, и кстати, я моюсь к кипятке… а на счёт поддержки, ты же не дашь упасть хрупкой и прекрасной даме, и не забывай в твою сторону это тоже работает, ты держишь меня, а я держу тебя…

Она бросает слова, как ножи — точно, без промаха, в самое уязвимое место. Хрупкая. Прекрасная. Дама. Ирония настолько густая, что почти осязаема, как пар от её проклятого кипятка. Лиран почувствовал, как по шее пробежал тонкий ручеёк пота — не от жары, а от того, как его воображение, предательски живое, нарисовало картину: тьма за повязкой, звук льющейся воды, её голос где-то рядом, тёплый и насмешливый, а его тело — напряжённое, слепое, беззащитное. Она не просто отвечает. Она захватывает инициативу. И делает это голыми руками, через цепь, через кожу, через каждый проклятый нерв, что теперь ведёт от её пульса к моему. Его пальцы сжали кольцо так, что металл впился в кожу.

— Завяжешь глаза… — повторил он, и в голосе впервые прозвучало нечто, близкое к хрипоте, не от иронии, а от чего-то глубже. — Хорошо. Но учти: если я не вижу — я ощущаю сильнее. Запах мыла. Дрожь в твоей руке, когда ты слишком близко. Звук твоего дыхания, когда ты думаешь, что я сплю. — Он медленно повернулся к ней, и в его взгляде больше не было шутки — только темная, сжатая пружина. — А кипяток? — Он усмехнулся, но в уголке губ дрогнула не улыбка, а что-то почти болезненное. — Я рос в доме, где отец тренировался в мороз без рубашки, а мать варила зелья, от которых кипела посуда. Я люблю жару. Особенно когда она идёт не от воды… а от кожи.

Он шагнул ближе, нарушив дистанцию, заставляя цепь натянуться до предела, и, не касаясь её тела, наклонился так, что его дыхание коснулось её уха. — И да, я не дам упасть. Но не потому что ты хрупкая. А потому что ты — моя противница. И если ты упадёшь — я должен видеть, как ты встаёшь. — Он отстранился, и в его глазах вспыхнуло что-то древнее, почти первобытное. — А насчёт «работает в обе стороны»… — он поднял их связанные руки, медленно, почти церемонно, и коснулся губами — Я знаю, ты не дашь мне упасть, если причиной моего падения будешь не ты.

Ксара смотрела на него горящими от предвкушения глазами — Да я смотрю ты прям воспылал, тогда немного остудить тебя надо, по ночам я храплю и пинаюсь, поэтому забудь про спокойный сон.

Храпит. Пинается. Намеренно. С улыбкой. Она знает, что делает — это не угроза, это миниатюрная война, ведомая под одеялом, без правил и пощады. Лиран почувствовал, как его грудь сжимается от короткого, почти дикого смеха — не от злости, а от азарта, будто его бросили в бой без оружия, но с обострёнными чувствами. Она думает, что лишит меня сна? Через стенку шума, толчки, хриплый храп? Да я рос с братом-близнецом, который во сне вызывал штормовые заклинания. Я учился спать, когда молнии били в потолок. А теперь — я привязан к тебе. Значит, каждый твой вздох, каждый рывок, каждый сонный стон — будет моей ночной тактикой. Его пальцы, всё ещё сжимающие кольцо, наконец остановились. Вместо этого он медленно провёл ладонью по внутренней стороне своего запястья — там, где цепь вплеталась в кожу, будто впитывалась в нервы.

— Храпишь? Пинаешься? — Он произнёс это тихо, почти ласково, но в голосе звучала угроза — не злая, а обещающая. — Прекрасно. Потому что я слушаю. Я запоминаю ритм. А у тебя, между прочим, цикл дыхания перед тем, как ты ударишь — замедляется. На полсекунды. Достаточно, чтобы уклониться. Или… — он резко, без предупреждения, потянул их связанные руки вниз, будто сбивая её с ритма, — чтобы схватить.

— А теперь представь: ты спишь. Ты не видишь. Ты не контролируешь. А я — чувствую, как твоё тело напрягается перед ударом ногой. И в тот момент, когда ты бьёшь — я не отвожу ногу. Я подставляю. — Он усмехнулся, и в уголке губ дрогнула искра настоящего, жаркого интереса. — Потому что каждый раз, когда ты пинаешь меня — ты сближаешься. А я? Я учусь. Учусь, как ты двигаешься во сне. Как сопротивляешься. Как вздрагиваешь, когда тебе снится что-то… неприятное. Или приятное. — Его голос стал глуше, почти шёпотом. — А если ты всё-таки не дашь мне спать…

Ксара протягивает руку и проводит, еле касаясь кончиками пальцев его кожи по щеке вниз к подбородку — Вот про это и речь, ты узнаешь меня настоящую, не боишься разочароваться?

Она касается. Не агрессивно, не в ответ на удар — а исследует. Легко, почти призрачно, будто проводит линию по карте, которую собирается стереть и перерисовать. Лиран замер. Не от шока. Не от страха. А потому что в этот миг он почувствовал — не просто прикосновение, а сигнал. Её пальцы — тёплые, с едва уловимой дрожью, будто и она не уверена, что делает. Кожа под её кончиками будто ожила, и по шее, по спине, вниз по руке, до самой цепи, пронеслась волна, не магическая, не нервная — живая. Она не играет. Она проверяет. Проверяет, выдержу ли я правду. Её. И свою. Его зрачки расширились, дыхание на мгновение замедлилось. Он не отстранился. Не улыбнулся. Просто смотрел — прямым, неподвижным взглядом, будто видел её впервые.

— Разочароваться? — произнёс он, и голос его, всегда бархатный, теперь звучал как что-то древнее, почти хриплое. — Я жду этого разочарования. Как пауза перед взрывом. Как тишина перед бурей. — Он медленно, очень медленно, наклонил голову, позволяя её пальцам скользнуть чуть дальше, к углу подбородка, к сгибу шеи. — Потому что если ты настоящая — значит, ты не просто дерзкая, не просто опасная. Ты — ломающая. Ты ломаешь правила, ломаешь дистанцию, ломаешь мою привычку держать всех на расстоянии в один шаг. — Его губы дрогнули, но не в улыбке. В предупреждении. — И если я разочаруюсь… значит, ты не та, кем я начинаю тебя чувствовать. А если ты разочаруешься во мне… — он вдруг сжал пальцы — не её руку, а свою, ту, что была связана с ней, — тогда это будет не поражение. Это будет потеря.

Он не отвёл взгляда. Не отстранился. Оставил её руку у своего лица, будто позволяя ей держать его. И, почти шёпотом, с паузой между словами: — Я не боюсь разочароваться. Я боюсь… привыкнуть. Привыкнуть к твоему храпу. К твоим ударам во сне. К твоим шуткам, которые на самом деле — крики.

Ксара чуть сжимая кончик его подбородка, с хищной улыбкой — боишься, что я стану твоим наркотиком, и тебе придётся на мне жениться…

Она сжимает. Не больно. Но настойчиво. Как будто вбивает гвоздь в границу между шуткой и правдой. Лиран почувствовал, как по позвоночнику прокатился ток — не от прикосновения, а от смысла, который она вплетает в слова, как яд в иглу. Наркотик. Жениться. Два слова, которые он никогда не произносил всерьёз. Два слова, что пахнут не магией, а пленом. Но не тем, что держит цепь на запястье — а тем, что растёт медленно, изнутри, как грибница под землёй. Она не просто дразнит. Она роет. Роет под мою броню, под мою иронию, под мою уверенность, что это — просто игра. Его пальцы сами собой впились в ладонь, кольцо впилось в кожу. Он не дышит. Не моргает. Только смотрит — в эти глаза, что смеются, но не врут.

— Наркотик… — повторил он, и голос его теперь звучит как тихий, почти смертоносный шёпот. — Знаешь, что самое страшное в настоящем наркотике? Не зависимость. Не ломка. А то, что ты хочешь его. Каждый раз. Даже когда знаешь — он тебя убьёт. Даже когда видишь, как он меняет тебя. Искажает. Сжигает. — Он медленно, очень медленно, наклоняется ближе, не разрывая прикосновения, позволяя её пальцам держать его, как пленника. — А жениться? — В уголке губ дрогнула тень улыбки, но не ироничной. Опасной. — Я не женюсь на тебе, Ксара. — он делает паузу, почти мучительную, и шепчет: — Я выберу тебя. А это — хуже. Потому что выбор — это не долг. Это жажда. Это когда ты знаешь, что должен уйти… и идёшь назад.

Он вдруг резко, но без агрессии, поворачивает голову — не отрываясь от её пальцев, а обвивая их своим движением, будто прикусывает воздух между ними. Затем, тихо, почти ласково: — И да… я боюсь. Не женитьбы. А того, что, когда цепь исчезнет… я попрошу тебя остаться. А ты скажешь: «Ну что, лапуль, игра закончилась». — Он отстраняется, но не рывком — плавно, будто отпускает что-то хрупкое.

Ксара убирает руку, с улыбкой — время покажет, но меня не пугает наша привязка, я даже рада, что это именно ты, с тобой по крайней мере не скучно.

Она убирает руку. Медленно. Словно отпускает не кожу, а нить, что держала его над пропастью — и теперь он висит в воздухе, один, с сердцем, бьющимся в новом, чужом ритме. Лиран чувствует пустоту на подбородке, там, где ещё секунду назад пульсировала её хватка — лёгкая, но оставившая жар, как от прикосновения раскалённого лезвия. Она говорит «рада». Говорит «ты». Не «он». Не «Лиран». Не «враг». — «ты». И улыбается. Не искренне. Не наивно. А хищно. Как будто знает, что только что вонзила клыки — и теперь ждёт, когда я начну истекать. Его грудь сжимается. Не от боли. От осознания. Это не сближение. Это захват. И он — не сопротивляется.

— Не скучно… — повторяет он, и голос его, всегда под контролем, теперь дрожит на краю, как натянутая струна. — Ты называешь это «не скучно», а я уже чувствую, как ты проникаешь в мои сны. В мои привычки. В каждый проклятый шаг, который я делаю — и теперь делаю с тобой. — Он не отводит взгляда. Наоборот — впивается в неё, будто пытается запомнить каждый оттенок серого в её глазах, каждый изгиб этой лживо-милой улыбки. — Но ты ошибаешься, огонёк. Ты боишься. Не цепи. Не привязки. А того, что, когда она исчезнет… ты не захочешь отпустить. Что твой «не скучно» превратится в «не могу». Что твой храп по ночам станет знаком, а мой голос — привычкой, которую ты не сможешь вырвать, как занозу.

Он делает шаг вперёд — не для того, чтобы приблизиться, а чтобы напомнить. Цепь натягивается. Их руки — как два полюса, что больше не отталкиваются, а тянутся. Он поднимает их связанные кисти, медленно, почти церемонно, и, не касаясь губами кожи, шепчет в сантиметре от её пальцев: — А я? Я уже не боюсь. Потому что понял кое-что. — Он опускает руку, но не отпускает напряжения. Оставляет цепь натянутой. Как обещание. — Скучно было до тебя. А теперь…

Ксара глядя прямо в глаза не подвижным взглядом — А теперь, у тебя перспектива сойти с ума вместе со мной… В твоих словах есть доля истины, но я не боюсь, а осознаю, если не

захочу уйти после того как цепь исчезнет, а уйдёшь ты, это будет больно, но боль закаляет, поверь я знаю — берет его за руку — пошли выйдем подышать воздухом…

Она берёт. Не ждёт. Не спрашивает. Просто сжимает его руку — не как пленник, не как враг, а как проводник. Лиран чувствует, как по венам прокатывается толчок — не магия, не адреналин, а что-то древнее: прикосновение, несущее правду. Она говорит о боли. О том, что знает. И в этой фразе — не хвастовство, не бравада. Там — шрам. Невидимый. Глубокий. И она не боится его показать. Он замирает. Не от её хвата, а от того, как её пальцы ложатся на его кожу — не дерзко, не вызывающе, а уверенно. Как будто она уже прошла этот путь. Как будто потеряла кого-то, кто ушёл. И выжила. А теперь предлагает ему — войти в эту боль. По своей воле. С открытыми глазами. Его дыхание сбивается. Он не произносит слов. Не может. Потому что впервые в жизни он не знает, что сказать. Ирония молчит. Шутка застревает в горле. Остаётся только ощущение — цепи, её руки, её голос, что прозвучал не как вызов, а как признание.

— Сойти с ума… — шепчет он, почти про себя, глядя не на неё, а на их сцепленные пальцы. — Звучит как приглашение на ужин. — Он пытается улыбнуться, но улыбка выходит кривой, неуверенной. Не игра. Не бой. А что-то третье. Что пугает сильнее. — Но ты не понимаешь, Ксара… — он медленно поворачивает их руки, не разрывая хватки, и касается тыльной стороной её ладони своей — кожа к коже, пульс к пульсу — Я уже не в своём уме. С того момента, как почувствовал, как ты дышишь в такт моим шагам. Как твой ритм вплёлся в мой. Как я жду, когда ты скажешь «лапуль», только чтобы почувствовать, как по спине бежит этот проклятый холодок. — Его голос становится тише, почти срывается. — А если я уйду… — он делает паузу, будто пробует слово на вкус, и шепчет: — Тогда это будет не боль. Это будет ампутация.

Он не сопротивляется, когда она тянет его к выходу. Наоборот — идёт быстрее, синхронизуя шаг, будто боится, что она передумает.

Она оборачивается, приближается к нему почти вплотную — Лапуль, если это будет ампутация, тогда представь, что я химера…

Она подходит. Не резко. Не агрессивно. А смертельно точно — как хищник, который знает: дистанция уже не имеет значения. Лиран замирает. Не от приказа. Не от шока. А потому что не может. Воздух между ними становится густым, как магический заряд перед вспышкой ритуала. Её тепло — не просто физическое. Оно проникает. Сквозь ткань рубашки. Сквозь привычку к холостой иронии. Сквозь стену, которую он строил годами. Химера. Живое существо, сложенное из чужих частей. Несовместимых. Опасных. И бессмертных. И в этот миг он понимает: она не просто говорит о себе. Она говорит о них. О том, что они уже не два отдельных тела, а нечто составное. Что их связь — не проклятие. А мутация. И он — часть её плоти. А она — часть его нервов. Его пальцы сжимаются в кулак, но не от гнева — от бессилия. От желания.

— Химера… — шепчет он, и голос его дрожит, не от страха, а от осознания. — Существо, что живёт, даже когда его разрывают. Что растёт сильнее с каждым швом. — Он не отводит взгляда. Даже когда её губы проносятся в миллиметре от его уха, оставляя после себя запах чего-то тёмного, сладкого, почти запретного. — Тогда знай: если ты — химера… — он медленно, очень медленно, наклоняется к ней, не касаясь, но вторгаясь в её пространство, — тогда я — шов. Тот, что держит тебя вместе. Тот, что пылает, когда ты рвёшься. — Его дыхание становится тяжелее. — И если ты всё-таки решится меня вырвать… — он делает паузу, и в глазах вспыхивает не угроза, а обещание, — я оставлю шрам. Глубокий. Болезненный. Вечный.

Она ведёт его дальше. А он идёт — не как пленник, не как жертва. А как посвящённый. Его шаги синхронны с её. Его дыхание — в такт её пульсу. Цепь больше не тянет. Она вибрирует. Как нерв. Как сердце. Как начало чего-то, что уже не остановить. У двери, ведущей во внутренний сад академии.

Ксара не оглядываясь — Шрам, будет ещё одним в моей коллекции…

Она говорит это тихо. Не с гордостью. Не с вызовом. А с усталой уверенностью — как будто перечисляет шрамы каждый раз перед боем, проверяя, что всё ещё на месте. Леран чувствует, как по позвоночнику пробегает холод — не от её слов, а от того, как она их произносит. Не как браваду. Как факт. Коллекция. Значит, их много. Значит, каждый — не случайность. Каждый — память. Каждый — кто-то, кто ушёл. Кто-то, кто разорвал. Кто-то, кто не выдержал. Его грудь сжимается. Он вдруг понимает: она не боится боли, потому что живёт в ней. Шрамы — не слабость. Это её доспехи. А он? Он — просто ещё один резец на её коже. Ещё одна царапина в длинной галерее потерь.

— Коллекция… — повторяет он, и голос его становится низким, почти хриплым, как будто слова проходят сквозь огонь. — Значит, ты сохраняешь их. Не скрываешь. Не забываешь. Ты носишь как трофеи. Как доказательства: я выжила. Я сильнее, чем ты думал. — Он медленно поворачивает голову, смотрит не на её лицо, а на линию шеи, где, может быть, скрывается след от чего-то древнего. — Но ты ошибаешься. — он делает шаг вперёд, не касаясь, но давя пространством, — я не буду шрамом. Я буду кровотечением. Долгим. Медленным. Там, где ты не ждёшь. Там, где ты думала — уже всё зажило. — Его пальцы сжимаются, и цепь между ними вибрирует, будто чувствует напряжение. — Потому что шрам — это конец. А я? Я — начало. Начало того, что ты не сможешь просто зарубцевать.

Он не отводит взгляда. Даже когда она снова тянет его вперёд. Он идёт — но теперь не как ведомый. Как вторгающийся. Его голос, когда он снова говорит, звучит почти ласково, но с ядом на конце: — И когда ты в следующий раз будешь считать свои шрамы… — он чуть наклоняется, так, что его дыхание касается её виска, — ты почувствуешь меня. Не как след. А как пульс.

Ксара глядя в его глаза, с улыбкой — время покажет… Ты интересный не такой как все, в тебе есть что-то родное, огонь, который пылает, но не обжигает, а греет, даёт запал. Но в тоже время ты уязвим, так же, как и я. Не думай, что это слабость, признать свою уязвимость, это сила. Великая сила…

Она смотрит. Не моргая. Не отводя взгляда. И в этот миг он понимает: она не шутит. Не дразнит. Она видит. Лиран чувствует, как что-то внутри него трещит — не как лёд под весом, а как старая стена под напором весеннего дождя. Родной. Огонь. Уязвимый. Слова, которые он годами избегал, как проклятий. Слова, что звучали только в детстве, в доме, где мать обнимала его после проваленного экзамена и говорила: «Ты не идеален — и за это тебя любят сильнее». Он сжимает челюсти. Не от гнева. От страха. Потому что она не просто говорит — она подтверждает. Подтверждает, что он — не маска. Не ирония. Не холодный интеллектуал с идеальными конспектами. Он — живой. С трещинами. С огнём, который не для разрушения, а для согрева. И это страшнее любого боя.

— Родной… — шепчет он, и голос его ломается, не от слабости, а от перегрузки. — Ты говоришь это, как будто это… нормально. Как будто можно просто найти кого-то, кто горит так же, дышит так же, ломается так же — и не убежать. — Он делает паузу, и в его глазах вспыхивает что-то древнее, почти болезненное. — Я не убегаю. Я прятался. За шутками. За холодом. За этой проклятой цепью, которая теперь не магия — а отговорка. Потому что если я скажу, что ты мне нужна… — он сжимает их связанные руки, не резко, а крепко, как будто хватается за утёс, — тогда это будет не вина ритуала. Это буду я. Голый. Без защиты. Уязвимый. Как ты.

Он медленно поднимает свободную руку — не к лицу, не к очкам, а к её щеке. Замирает в миллиметре. Не касается. Даёт ей выбор. — Ты говоришь — сила. Да. Но сила — не в том, чтобы признать уязвимость. Сила — в том, чтобы позволить другому её увидеть. — Его дыхание сбивается. — А я… я хочу позволить. Хочу, чтобы ты видела. Всё. Даже то, что я сам боюсь назвать по имени. — его пальцы наконец касаются её кожи — тёплой, живой, реальной.

Ксара ложит свою руку поверх его, прижимая к своей щеке сильнее, смотрит в глаза — у нас с тобой выбор не большой, либо воевать, прокляная цепь, либо принять цепь как возможность… неужели ты не понял, эта цепь связала именно нас не просто так…

Она прижимает. Не отвечая на прикосновение — усиливает его. Её ладонь на его руке, его пальцы на её коже, их дыхание — почти сливается. Лиран чувствует, как по венам прокатывается волна, не магическая, не нервная — глубинная. Как будто земля под ногами наконец перестаёт быть твёрдой и становится живой, дышащей, податливой. «Не просто так». Эти слова впиваются в сознание, как крюк. Не случай. Не наказание. А назначение. Не ритуал шутника-профессора, а что-то древнее, что ждало. Что выбрало. Он замирает. Не от её хвата. От осознания. Он думал, что борется с цепью. А на самом деле — боролся с тем, что она обнажила. Его. Их. Всё, что он скрывал за иронией, за холодом, за идеальными рубашками с расстёгнутой пуговицей — теперь лежит на поверхности. Голое. Пульсирующее. Настоящее.

— Не просто так… — повторяет он, и голос его больше не принадлежит ему. Он звучит чужим — тише, грубее, как будто вырвался изнутри, сквозь слои лжи. — Ты говоришь это, как будто я уже не знаю. Как будто я не чувствую, как ты вливаешься в мои мысли. Как будто я не ловлю себя на том, что жду твоего храпа по ночам. Что ищу твой взгляд в толпе. Что замираю, когда ты смеёшься — потому что это звучит, как что-то, что я должен охранять. — Он медленно, очень медленно, опускает голову, не разрывая взгляда. — Я не боролся с цепью, Ксара. Я боролся с тем, что она показала. Что ты — не враг. Что я — не один. Что мы… — он делает паузу, будто слова обжигают, — подходим. Не как противники. Не как жертвы ритуала. А как… два конца одного провода. И когда ты говоришь — «принять», — это не сдача. Это восстание. Против одиночества. Против лжи. Против всех, кто думал, что мы — только шутка, только вражда, только игры.

Он не отводит руки. Наоборот — сжимает её щёку сильнее, пальцы впиваются в кожу, так как будто он боится, что она сейчас исчезнет.

Ксара приближается почти в плотную к нему, но останавливается — Вот и посмотрим, что из этого получится, лапуль…

Она приближается. Не нападает. Не бросается. Она замирает — в сантиметре. В дыхании. В ожидании. Лиран чувствует, как его сердце бьётся не в груди, а всем телом — в пальцах, в шее, в самом основании позвоночника, где, кажется, вплетается в цепь не только магия, но и что-то первобытное, древнее, как ритуал, старше любого свитка. Она оставляет выбор. Не из слабости. Из силы. Потому что знает: если он двинется — это будет не подчинение, не инстинкт, не вспышка гнева или страсти. Это будет решение. Осознанное. Опасное. Ирреверсивное. Его дыхание сбивается. Не от близости — от веса момента. Он понимает: за эту секунду — можно сжечь всё. Или построить новое. А может, и то, и другое.

— Посмотрим… — шепчет он, и голос его звучит как обещание, как приговор, как начало заклинания, что нельзя прервать. — Ты всегда это говоришь. Посмотрим. Как будто мы не уже по уши во всём этом. Как будто я не чувствую, как ты вливаешься в мои сны. Как будто я не знаю, что, если коснусь… — он медленно, мучительно медленно, сокращает расстояние, не закрывая глаз, глядя в самую глубину её зрачков, — это будет не конец сопротивления. Это будет начало зависимости. — Его губы почти касаются её. Не касаются. Висят. В ожидании. — Ты хочешь, чтобы я выбрал? Хочешь, чтобы я первый… — он делает паузу, и в его глазах вспыхивает не страсть, а покорность, — тогда знай: если я это сделаю — я не остановлюсь. Ни на этом. Ни на поцелуе. Ни на ночи. Я буду брать. Потому что ты — не просто близко. Ты — нужна. И я больше не буду притворяться, что это — только цепь.

Он не двигается. Ждёт. Держит её взгляд, как узду. Держит дыхание, как взведённое оружие. И в этот миг — весь мир сжимается до сантиметра между их губами, до пульса в её шее, до дрожи в его пальцах, всё ещё прижатых к её щеке. Цепь между их руками напряжена — не как преграда. Как проводник.

Ксара улыбаясь глазами — я люблю инициативу от мужчины…

Она улыбается глазами. Не губами. Не насмешливо. А всем собой — как будто её зрачки расширились от азарта, от ожидания, от той древней, почти звериной радости, когда жертва сама вступает в ловушку. Лиран чувствует, как по коже пробегает волна — не от холода, не от страха, а от осознания. Она хочет. Не просто близости. Не случайного прикосновения. Она хочет доказательства. Хочет, чтобы он переступил. Чтобы сам, с открытыми глазами, шагнул в огонь. И в этот миг он понимает: это не уступка. Это победа. Её. Потому что она знает — как только он двинется, он уже не сможет сказать, что это — игра, ритуал, вынужденная близость. Он скажет это своим телом. А тело не врёт.

— Инициатива… — шепчет он, и в голосе звучит не ирония, а обещание, тёмное, плотное, как смола. — Ты хочешь, чтобы я первым… — он наконец, наконец, сокращает расстояние — но не на всё. Оставляет миллиметр. Дышит в её губы. — Тогда знай: я не просто коснусь. Я захвачу. Я не поцелую — я вторгнусь. Потому что, если я сделаю этот шаг… — его свободная рука медленно скользит вниз, по её шее, к плечу, не сжимая, а обводя контур, как будто запоминает для себя навсегда, — я не остановлюсь на одном поцелуе. Я буду брать. Каждый вздох. Каждый стон. Каждую ночь, когда ты будешь пинаться во сне. Я буду помнить. Я буду держать. Я буду твоим — не потому что цепь, а потому что выбрал. И если ты любишь инициативу… — он резко, но без жестокости, притягивает её ближе за плечо, заставляя её тело напрячься, — тогда готовься. Потому что я больше не играю.

Он не целует. Ещё. Вместо этого медленно, с мучительной точностью, проводит губами по самой кромке её нижней губы — не касаясь, но обещая. Цепь между их руками вибрирует, как натянутая струна. Как пульс. Как начало взрыва.

Ксара не отрывая взгляда — я вижу тебя насквозь, лапуль, пока ты боишься и скрываешь, ты будешь слаб…

Она кладёт. Не на сердце. Не на шею. На грудь. Прямо над сердцем. Не нежно. Не агрессивно. А твёрдо. Как будто вбивает якорь. Лиран чувствует — не просто тепло. Не просто прикосновение. Он слышит. Слышит, как его сердце, только что сдерживаемое, вдруг бьётся в такт её ладони, как будто она взяла контроль. «Вижу насквозь». Эти слова не режут. Они проникают. Как нож в тёплый воск. Потому что она права. Он боится. Не её. Не близости. А последствий. Последствий того, что, если он перестанет прятаться, если он перестанет сопротивляться, то больше не сможет сказать: «это — не я». Он не сможет вернуться к одиночеству, к шуткам, к жизни, где всё под контролем. Он станет… её. И это страшнее любого поражения.

— Вижу насквозь… — повторяет он, и голос его больше не бархатный. Он голый. Хриплый. Напряжённый. — Ты говоришь это, как будто я не знаю. Как будто я не чувствую, как ты врываешься в каждый проклятый уголок моей головы. Как будто я не ловлю себя на том, что хочу, чтобы ты видела. Хочу, чтобы ты знала, как я дрожу, когда ты называешь меня «лапуль». Как я сжимаюсь, когда ты пинаешься во сне. Как я теряю ритм, когда ты улыбаешься глазами. — он не отводит её руку с груди. Наоборот — кладёт свою поверх, прижимая сильнее, будто хочет, чтобы она почувствовала, как бьётся его сердце — быстро, глухо, почти в панике. — Я не слаб. Я сдерживался. Потому что знал: если я начну… — он делает паузу, и в его глазах вспыхивает не гнев, а ярость — чистая, первобытная, — тогда я не остановлюсь. Я не просто поцелую. Я проглочу. Я не просто прикоснусь. Я вплетусь. В каждый твой вздох. В каждый сон. В каждый шрам. Я вымою тебя изнутри. Я останусь. — он наклоняется, так, что их лбы почти соприкасаются. — И ты боишься не моей слабости. Ты боишься моей силы. Боишься, что, когда я вторгнусь, ты не захочешь, что бы я останавливался.

Ксара глядя прямо в глаза — я не боюсь, мне интересно, что будет дальше… ты пытаешься меня оттолкнуть, говоря все эти слова, а сам сдерживаешься с трудом, и кто тебе сказал, что после этого шага ты потеряешь свободу, я тебя не буду пленить, быть рядом и осознавать, что есть тот кто принял тебя, это расширение, а не плен.

Она не отводит руки. Не снимает ладони с его груди. Держит. Удерживает. Не как пленительница — как свидетель. Лиран чувствует, как её тепло проникает сквозь ткань, сквозь кожу, сквозь все слои лжи, которые он носил годами. «Не боюсь. Мне интересно». Эти слова бьют точнее любого заклинания. Потому что она не сражается. Она наблюдает. Наблюдает, как он ломается. Как он борется. Как он хочет. И не видит в этом слабости. Видит жизнь. Он замирает. Не от её прикосновения. От осознания. Он думал, что сопротивляется цепи. А на самом деле — сопротивлялся возможности быть увиденным. Быть принятым. Не как идеал. Не как герой. А как он есть — с иронией, с трещинами, с огнём, который пылает, но не сжигает, а прогревает до костей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.